

Дж. ЭВЕТТС

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДОВЕРИЮ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМУ*

ЭВЕТТС Джулия – профессор социологии Университета Ноттингема (Великобритания). E-mail: Julia.evetts@nottingham.ac.uk.

Понятия профессии и профессионализма все чаще используются применительно к труду и работникам в современном обществе. В то же время условия доверия, свободы действий и компетентности, которые исторически рассматривались в качестве необходимых свойств профессиональной практики, постепенно становятся перед вызовами и уже меняются. Это представляет собой современную дилемму или парадокс профессионализма, которые требуют разъяснения.

Применительно к профессиям понятия доверия и профессионализма всегда были взаимосвязанными. Так было в 19 веке, когда доктор, юрист или священник, будучи джентльменом, мог располагать доверием, чтобы давать бескорыстные консультации внутри сообщества взаимозависимых клиентов среднего и высшего класса. Это наследство, реальное или фиктивное, обеспечило влиятельный имидж многим новым профессиям в 20 веке. Взаимосвязь доверия и профессионализма продолжает оставаться актуальной

* Публикуется по: Julia Evetts. Introduction: Trust and Professionalism: Challenges and Occupational Changes // *Current Sociology* 2006; 54; 515. Данная статья опубликована в качестве вводной для подборки статей по проблемам взаимодействия доверия и профессионализма в современных обществах, переживающих период трансформации в сфере занятости. Как значится в резюме журнала, статья разъясняет происхождение современных подходов к исследованию профессионализма и связанных с ним проблем, которые затрагиваются авторами статей тематической подборки.

темой обсуждения, несмотря на произошедшие изменения и новые вызовы, предъявляемые профессиям в Великобритании. Последние в частности обусловлены скандалами, связанными с фактами медицинской и юридической халатности и злоупотреблений, а в случае с доктором Гарольдом Шипманом – с обвинением в массовом убийстве¹. В результате была поставлена под сомнение связь между доверием и профессионализмом. Можем ли мы доверять сфере социальных услуг и людям в ней работающим? Представляется, что к докторам, юристам, ученым и другим профессиональным специалистам сегодня относятся со все большим подозрением. Слова политиков и бизнесменов вызывают у публики сомнения, а мотивы – вопросы. Расширение культуры сутяжничества, подкрепленной судебными делами о доходах, полученных в результате злоупотреблений, в США, еще больше подрывают отношения доверия и профессионализма. Относительная трудность состоит в том, что решение проблемы через повышение ответственности и подотчетности школ и больниц, в свою очередь, подрывают доверие к ним.

Дальнейшее изложение распадается на следующие части. В первой части анализируется, каким образом доверие и профессионализм оказались

¹ Г. Шипман назван самым страшным серийным убийцей за всю историю Великобритании. Шипман занимался частной врачебной практикой в пригороде Манчестера Хайде. По данным британских криминалистов, за четверть века он умертвил не менее 215 пациентов. Скандал, вызванный делом Шипмана, продемонстрировал пагубную несостоятельность служб системы здравоохранения, медицинских властей и полиции. Это дело зародило серьезные сомнения по поводу ответственности, которую несут врачи. Министр здравоохранения Великобритании А. Милбурн распорядился создать независимую комиссию, чтобы люди не потеряли веру во врачей. "Этот человек самым страшным образом разрушил доверие людей к врачам, - сказал министр. - Но если он предал своих пациентов, нельзя допустить, чтобы этот случай разрушил доверие между семейными докторами и пациентами в принципе". (Прим. перев. С использованием данных NEWSru.com - <http://www.newsru.com/crime/19jul2002/shipman.html>)

связаны между собой в литературе по социологии профессий. Во второй части исследуются различные подходы к интерпретации феноменов профессий и профессионализма и объясняется растущая популярность «дискурса профессионализма» в условиях современных изменений занятости и социального контроля. Статья завершается анализом последствий обращения к дискурсу профессионализма для исследований социологии профессиональных групп и заявлений о снижении доверия, компетентности и свободы действий в профессиональной деятельности.

Теоретический фон: Согласование и рассогласование доверия и профессионализма в социологических интерпретациях

Социология профессиональных групп имеет свою собственную историю, в ходе которой ее фокус периодически смещался с одних понятий и толкований на другие. В этом процессе профессионализм и доверие оказывались по-разному связанными между собой.

Профессионализм как ценность занятия. В ранней британской социологии профессий центральной темой исследований профессионализма являлась стабильность и гражданский характер социальной системы. Теоретический фокус составляла профессиональная кооперация (occupational cooperation)², коллегиальность и отношения доверия, основанные на компетенции. Например, Тони (Tawney, 1921) рассматривал профессионализм как средство подчинить безудержный индивидуализм

² В русском переводе не всегда возможно сохранить различие между тем, что относится к «занятию» (occupation) и профессии (profession), которые непосредственно выражены в английском языке. Поэтому в тех случаях, где «occupational» и «occupation» переводится как «профессия» и «профессиональный» в скобках указывается английское значение слова или выражения. Чаще всего такое смещение неизбежно при переводе понятий «occupational cooperation», «occupational structure» и «occupational order» – соответственно «профессиональная кооперация», «профессиональная структура» и «профессиональный порядок». В случае, если ссылка на английское словоупотребление отсутствует, это значит, что используется прямой перевод.- Прим. перев.

нуждам сообщества. Карр-Саундерс и Уилсон (Carr-Saunders и Wilson, 1933) рассматривали профессионализм как силу поддержания стабильности и свободы в противовес растущей индустриальной и государственной бюрократии. Маршалл (1950) обращал внимание на альтруизм и ориентированность на услугу, присущие профессионализму и способные служить буфером ввиду угрозы стабильности демократических процессов. Некоторые из этих подходов отражают дюркгеймовскую интерпретацию профессий как объединенных общим занятием и этикой сообществ (moral occupational communities) (Durkheim, 1957). Такие профессии включали в первую очередь юриспруденцию и медицину и во многом основывались на собственных представлениях юристов и медиков о ценности их работы и оправдании высоких заработков и высокого социального статуса.

Ранние американские теоретики социологии профессий двигались в аналогичном направлении, ключевым пунктом для них была ценность занятия, основанная на доверии, компетенции и кооперации, для чего использовалась теоретическая система функциональной теории Парсонса. Наиболее известная и, возможно, потому наиболее часто искажаемая, попытка объяснить специфические характеристики профессионализма, его центральные ценности и его вклад в социальный порядок и социальную стабильность принадлежит Парсонсу. Неслучайно Дингвол утверждал (Dingwall and Lewis, 1983), что исследования социологии профессий в значительной степени основаны на вкладе Парсонса (так же как и на труде Хьюза). Парсонс попытался прояснить важность профессионализма как теоретической основы социологии знания в терминах социально обоснованного нормативного порядка (Dingwall and Lewis, 1983: 2). Парсонс был одним из первых теоретиков, который показал, как основанный на рациональном праве веберовский социальный порядок, капиталистическая экономика и современные профессии взаимосвязаны между собой и уравновешивают друг друга, поддерживая стабильность хрупкого нормативного социального порядка. Он продемонстрировал, как власть

профессий и власть бюрократических организаций основаны на одних и тех же принципах (функциональная специфика, ограничение властного поля, применение универсальных безличных стандартов). В отличие от бюрократических организаций благодаря своей коллегиальной организации профессии разделяют профессиональную идентичность и отношения доверия одновременно и с менеджерами, и клиентами, демонстрируя альтернативный бюрократической иерархии организаций подход - совместное разделение общих нормативных границ.

В отличие от Парсонса Хьюз (1958) видел различия между профессиями и занятиями скорее в степени, нежели в качестве. Он связывал рост профессионализма в занятиях с углублением разделения труда, поэтому, с его точки зрения, повышение доверия к профессиональному труду касается работы электрика и сварщика так же, как врача и юриста. Работа Хьюза создала базу многих англо-американских этнографических исследований профессиональной социализации на рабочем месте (в частности, в школах и больницах), а также способствовала развитию и укреплению профессиональной идентичности работников. Эта разделяемая работниками профессиональная идентичность связана с осознанием общего опыта, взаимопониманием и экспертизой, а также с общим видением проблем и путей их решения. Такая идентичность достигается путем предметной и профессиональной социализации, осуществляемой через общность профессионального обучения и переподготовки, профессиональный опыт, членство в профессиональных ассоциациях и обществах, где участники развивают и поддерживают общую трудовую культуру. Коллегиальная деятельность выражается в итоге во взаимной поддержке и управлении, в доверии клиентов, а также в автономии и свободе действий работников-профессионалов.

Работа Парсонса, включая глубинные аспекты профессионализма и специфические характеристики профессионального труда, впоследствии была подвергнута мощной критике. Она критиковалась слишком рьяно за

связь с функционализмом (Dingwall and Lewis, 1983) и нередко, хотя и ошибочно, интерпретировалась в духе «теории черт» (the trait approach) (e.g. Johnson, 1972: 25-32). Последняя на некоторое время увлекла англоязычных социологов (см. следующий подраздел).

Однако возврат к обсуждению различий между профессионализмом и рационально-правовым бюрократическим способом организации работы был осуществлен в поздних исследованиях Фридсона (Freidson, 2001). Фридсон изучал логику трех различных способов организации труда и работников в современных обществах – рынок, организации и профессии, и выделял относительные преимущества и недостатки каждого из них для клиентов и профессионалов-практиков. В этом анализе Фридсон продемонстрировал непреходящую ценность и важность укрепления профессионализма (с некоторыми поправками) как основного организационного принципа осуществления деятельности в сфере услуг.

Профессии как институты. Теория черт. В 50-60-е годы англо-американские исследователи сместили фокус анализа на концепцию профессии как специфического занятия или института с особыми характеристиками. Трудности определения этих особых характеристик и отличия профессий от остальных занятий давно беспокоили исследователей. На определенный период теория черт всецело захватила социологов. Говоря об этих характеристиках, Greenwood (1957) и Wilensky (1964) утверждали, что: профессиональный труд требует долгого и дорогостоящего образования и профессиональной подготовки, чтобы овладеть соответствующими знаниями и опытом; профессионалы работают автономно и оказывают общественные услуги; они руководствуются в принятии решений профессиональной этикой и кодексом поведения; они находятся в особых отношениях доверия с клиентами и менеджерами-работодателями; они альтруистичны и мотивированы универсалистскими ценностями. В отсутствие этих характеристик предпочтительным считалось пользоваться

понятием «занятие», а при наличии части характеристик было введено понятие «полу-профессионализм» (Etzioni, 1969).

Характеристический подход теории черт сейчас все чаще рассматривается как пустая трата времени, поскольку он ничего не дал как для понимания власти конкретных занятий (исторически медицины и юриспруденции), так и для призыва к работникам во всех сферах занятости «быть профессионалами». Он уже не кажется важным как средство выделения профессий из числа занятий, но, наоборот, способствует рассмотрению тех и других в качестве социальных форм или институтов, отмеченных многими общими характеристиками, в частности - профессиональной социализацией, укреплением идентичности и доверием клиентов. Несмотря на то что некоторые авторы продолжают возвращаться к этой теме с комментариями и критикой (see Sciulli, 2005), дальнейшая детализация представляется иллюзорной и в значительной мере зависящей от социокультурного и государственного контекста.

Профессионализация и «закрытость» рынка. Следуя за институциональным разнообразием, социологи стали относиться скептически к самой идее профессионализма и отношениям доверия. Например, Джонсон (Johnson, 1972: 32) отклонил профессионализм как успешную идеологию, вошедшую в политический словарь многих занятий в их притязаниях и конкуренции за статус и доход. Позднее Дэвис (Davies, 1996) убеждала исследователей отказаться от притязаний на профессионализм, утверждая, что это система введения в заблуждение. Взамен она призывала исследователей признать связь между таким притязанием и специфической исторической и культурной структурой маскулинности, которая слабо подходит новейшим и более феминизированным профессиям.

Этот скептицизм проявился особенно рельефно в 1970-1980-е годы, когда англо-американская социология профессий сосредоточилась на рынке и, в особенности - на закрытости профессиональных рынков (closure of occupational markets), в частности юриспруденции и медицины. В

соответствии с этой критикой (e.g. Larson, 1977; Johnson, 1972; and early Freidson, 1970), закрытость рынка создала условия для профессионалов достигать для себя монопольного контроля с целью реализации эгоистических интересов в сфере занятости - обеспечения дохода, власти и статуса. В этот период стало обычной практикой рассматривать профессии в качестве поля мощной конкуренции групп занятий за сферу полномочий, подразумевающую борьбу за статус, власть, доход и контроль. (Abbott, 1988). Теоретический фокус тем самым сместился с профессионализма (как ценности занятия) и профессии (как института занятия, основанного на доверии) к процессу профессионализации – к историческим и современным процессам профессиональной динамики, связанным с закрытостью рынка, конкуренцией занятий, конфликтом и доминированием.

Видное место в анализе «закрытости» рынка заняла концепция «профессионального проекта». Концепция была сформулирована Ларсон (Larson, 1977) и основывалась на детальном научном и историческом исследовании процессов, посредством которых определенная группа занятий достигала монополии на свои услуги на рынке, обретала статус и восходящую мобильность (групповую и индивидуальную) в социальной структуре. Идея профессионального проекта была развита Эботтом (Abbott, 1988), но в другом направлении. Он исследовал подъем и укрепление сферы полномочий той или иной профессии через конкуренцию, а также культурную и иную деятельность, необходимую для легитимации монопольной практики.

Работа Ларсон до сих пор широко цитируется, и в учебнике Макдональда по социологии профессий ее анализ взят на вооружение в исследовании бухгалтерского дела. Результатом успешного профессионального проекта стала «монополия на компетенцию, легитимированная через официально санкционированную «экспертизу», а также монополия на доверие публики». Доверие не входило в анализ, будучи ничем иным как вводящей в заблуждение системой убеждений,

фиксирующей власть профессионализма в качестве профессиональной идеологии (occupational ideology).

Интерпретация Ларсон не осталась безальтернативной. Фридсон (Freidson, 1982) предпочел говорить об убежище от рынка вместо полной монополии на предоставление профессиональных услуг, что подразумевает незавершенную природу «закрытости» рынка. Вместе с тем следует признать, что тщательный анализ Ларсон был упрощен слишком ретивыми сторонниками так, что исследователи заговорили об особом «Профессиональном проекте», как будто профессии и профессиональные ассоциации ничего другого не делали кроме защиты рыночной монополии на свою экспертизу.

Другим вариантом указанной социологической интерпретации закрытости профессиональных рынков стало представление о профессиях как о профессиональных группах *влияния*, которые не только закрывают рынки и контролируют другие занятия в своей сфере, но также «захватывают» государственные полномочия и договариваются о регулирующих соглашениях с государством в интересах своих членов (Cooper et al., 1988).

Рассуждения этого рода можно найти и в 1970-е годы (Johnson, 1972). Подобными чертами отличались исследования медицинской профессии (Larkin, 1983), где исследователи объясняли отношения между профессиями здравоохранения через контроль и доминирование медицины, а также в контексте гендерных отношений (Davies, 1995). Доверие как существенный аспект профессионализма оценивалось скептически и рассматривалось как часть механизмов идеологического контроля со стороны влиятельных профессиональных групп.

С середины 1980-х изъяны наиболее крайних подходов к профессионализации, таких как закрытость рынка и контроль, стали очевидными. Энандаль (Annandale, 1998) подвергла сомнению вопросы доминирования медицины и связала проблему медицинского контроля с

разнородностью, ре-стратификацией и растущей иерархией внутри самой медицины, уточнив, что *некоторые* доктора обретают доминирующие позиции, наряду с *некоторыми* медсестрами и *некоторыми* акушерками. В более общем аспекте оказалось, что радикальные правительства могут успешно оспаривать положение профессий. В самом деле, профессии в ряде случаев инициируют проекты и влияют на правительства, но также часто профессии *отвечают* на внешний запрос к изменениям, который может быть политическим, экономическим, культурным и социальным. Результатом этого стала переоценка исторических данных, которая до сих пор не окончена. Одна линия рассуждений состоит в том, что теория профессионализации, ориентированная на спрос, нуждается в дополнении исследованием стороны предложения (Dingwall, 1996). Поэтому вместо вопроса «Как профессии захватывают государства?», центральным вопросом должно было бы стать «Почему государства создают профессии или, по крайней мере, позволяют им процветать?» Результатом такого подхода является обновление интереса к историческим данным и параллельное исследование становления современных национальных государств в 19 веке и современных профессий в тот же период (Perkin, 1988). Другим результатом является обновление интереса к сравнительному анализу и исследованию профессиональных занятий в Европе, где в значительной степени понятие профессии (если оно вообще существовало) использовалось и трактовалось социологами весьма различно.

Возвращение к профессионализму и доверию: новые направления

В 1990-е годы исследователи начали переосмысливать значение профессионализма, его взаимосвязь с доверием и его позитивное (так же как и негативное) влияние на потребителей и клиентов, а также на социальные системы. Например, Фридсон (Freidson, 1993, 2001) доказал, что профессионализм является уникальной формой профессионального (occupational) контроля над трудом, который имеет особые преимущества по

сравнению с рыночным, организационным или бюрократическим контролем. В какой-то степени это отражает возвращение к профессионализму и его нормативным ценностям, включая доверие. Но в дополнение к этому существуют и новые направления анализа. Новая интерпретация включает исследование профессионализма как специфического дискурса, сопровождающего изменения в занятости (*occupational change*) и контроле внутри профессиональных групп (*occupational groups*) и организаций.

Сейчас происходит расширение использования понятия профессионализма применительно к растущему числу занятий и рабочих мест. Понятие «профессионализм» используется в самых разных видах деятельности, организационном и институциональном контекстах. Оно применяется в качестве рыночного слогана в рекламе с целью обращения к потребителям (Fournier, 1999) и в кампаниях по привлечению сотрудников. Оно используется в статьях о корпоративной миссии и организационных целях для мотивации персонала, в руководствах по осуществлению политики и в описании ее процедур. Перспектива определения той или иной сферы занятости в качестве профессиональной, так же как ее работников – в качестве профессионалов носит многообещающий характер. Понятие профессионализма вошло в литературу по менеджменту и воплотилось в руководствах по тренингу и непрерывному профессиональному развитию. Понятие профессионализма во все большей степени используется (ошибочно?) применительно к рабочим местам в организационной, коммерческой, сервисной, финансовой деятельности и в области безопасности. К рассуждениям о профессионализме прибегают обе стороны в спорах и политических дискуссиях между профессиональными группами и правительствами, в частности, при обсуждении предложений по изменению финансирования, изменениям в организационном и административном устройстве отраслей здравоохранения и образования (Crompton, 1990).

Пытаясь объяснить широкие апелляции к профессионализму и его привлекательность для широкого круга занятий, условий труда и трудовых

отношений, необходимо использовать различные подходы. Предполагается, что дискурс профессионализма используется для продвижения и ускорения определенных изменений в профессиональной сфере (particular occupational changes). Требуемые изменения в труде, организации и занятиях обобщены Ханлоном (Hunlon, 1999) в следующих словах: «коротко говоря, государство занято попытками переформулировать профессионализм таким образом, чтобы он стал более коммерчески значимым, бюджетоориентированным, управленческим, предпринимательским и т.п.» Акцент Ханлона на государстве здесь связан с тем, что он обсуждает юридические профессии. Если данный анализ применить к другим видам занятости, тогда государство не так явно будет вовлечено в процесс, а сервисная компания, фирма или организация (т.е. ее менеджеры и руководители) окажутся конструкторами, промоутерами и пользователями нового дискурса. В целом, поскольку бюджеты организаций становятся более гибкими, а потребители/клиенты/правительства – более требовательными, поскольку труд в сфере услуг регулируется все более плотно, а цели достижения становятся все более определенными, измеряемыми и подлежащими оценке, необходимые изменения часто характеризуются как потребность «профессионализировать» услуги и знания соответствующих работников. Эта профессионализация будет достигнута через расширяющееся профессиональное обучение и сертификацию труда работников – процесс, обозначенный Коллинзом (Collins 1979, 1981) как *креденциализм*³.

Данные изменения в профессиональной сфере (occupational changes) часто воспринимаются работниками как увеличение бумажной работы и дополнительные обязанности, которые не сопровождаются соответствующим увеличением социального и индивидуального статуса и заработной платы – награды, которая, принято считать, является следствием профессионализации (Larson, 1977). Часто такие изменения в занятости интерпретируются

³От англ. credential – мандат, удостоверение личности, рекомендация. (Прим. перев.)

работниками как увеличивающаяся бюрократизация (например, заполнение большего числа форм), как следствие – качество оказываемых клиентам услуг, в восприятии работников, падает.

Доверие клиентов снова рассматривается как важное, но в основном потому, что по ощущению, оно сокращается по мере того, как все меньше времени предоставляется на взаимодействие клиента и предоставляющего ему услугу работника, что жизненно важно в сфере услуг. Одним результатом является кризис профессиональной (occupational) идентичности, который может быть выражен как неудовлетворенность, особенно остро воспринимаемая (старшими? и) более опытными группами работников. Тогда почему и как перед лицом таких фиксируемых опытом противоречий в глазах практиков дискурс профессионализма продолжает быть эффективным инструментом изменений в сфере занятий и социального контроля?

Необходимо внести ясность и операционализировать понятие дискурса. В данном контексте дискурс является средством, через которое работники сами включаются и приспосабливаются в процессе труда к понятиям «профессия» и в особенности «профессионализм». Очевидно, тем не менее, что во многих, если не в большинстве групп занятий дискурс профессионализма создается и используется скорее менеджерами, руководителями и работодателями, чем теми, кто непосредственно оказывает услуги, т.е. работниками. Причем, этот дискурс используется в целях рационализации и производства изменений в занятии, а также для повышения (само-) дисциплины работников при выполнении своих функций. Существует возражение, что при использовании дискурса профессионализма последний значительно отличается от исторически более ранних концепций и подходов к профессионализму, использовавшихся профессиональными ассоциациями, а также практикующими врачами и юристами, от которых этот дискурс берет начало. Анализ использования дискурса профессионализма в труде и в организациях основывается на подходе Фуко, выраженном в понятиях легитимации (Foucault, 1979) и контроля над

автономными субъектами, осуществляющими предписанную деятельность (Foucault, 1973, 1980). Используя эти идеи в своей интерпретации профессионализма как дисциплинарного механизма, Фурнье (Fournier, 1999), следуя за Миллером и Роузом (Miller and Rose, 1990), исследовала профессионализм в качестве «дистанционного» управления профессиональной деятельностью. Данные объяснения могут помочь в понимании обращения к профессионализму как средству осуществления изменений в профессиональной сфере (occupational change) в современном мире.

Исследование легитимации как достояния одновременно и систем, и акторов, наиболее полно было проведено в работе Фуко и его последователей по природе управляемости (governmentality)⁴ и учреждении граждан-субъектов в современных обществах. Рассматривая профессии как системы, Фуко доказывал, следуя за Вебером (см. Bendix, 1966), что развитие особых форм экспертизы было решающим этапом формирования управляемости, начиная с 16 века и далее. Обобщая доказательство Фуко, Джонсон (Johnson, 1992) показал, как расширение способности управлять зависит от профессионализации экспертизы и от развития статуса эксперта, так же как и от систем нотации, документации, оценки и расчетов. Это расширение и развитие способности управлять с неизбежностью повлекло за собой сдвиг оснований легитимации - признание священного права монарха сокращалось и замещалось «общепринятым повиновением закону», которое становилось единственной легитимной нормой (Foucault, 1979:12). Последнее

⁴ В русских переводах работ Фуко пока не сложилось устойчивого эквивалента для многозначного понятия “governmentality”, вдохновляющего многочисленных исследователей его наследия в англоязычных странах и указывающего на глубокую связь вопросов управления с «ментальностью» и глубинными основами культуры и общественных отношений. В русскоязычной литературе в качестве перевода использовались: «управляемость», «искусство управления» и «управленитет». Здесь используется первый из перечисленных вариантов как наиболее простой и буквальный, с одной стороны, и допускающий многозначность толкования – с другой. (Прим.перев.)

интерпретировалось Фуко не как открытое доминирование, а скорее как вероятность, которой будет следовать нормализованный субъект⁵ (normalized subject) (Johnson, 1992).

Профессии были глубоко вовлечены в этот процесс упорядочения и нормализации, что имело принципиальный характер для воспроизводства силы закона в либерально-демократических государствах (Johnson, 1992). Нормализация также включала воспроизводство власти эксперта. Признание власти профессиональных экспертов шло рука об руку с укреплением власти государств. Признание гражданами власти правительств и власти профессионалов взаимосвязаны друг с другом и являются частью упорядочения граждан-субъектов. Перкин (1988) также подчеркивает близкую и взаимосвязанную роль, которую играли национальные государства и профессионалы в создании легитимного капиталистического порядка в Великобритании в период 1880-1920 гг. В известной мере принципы организации профессий могут рассматриваться в качестве моделей процесса нормализации: предполагается, что профессиональное обучение культивирует определенный баланс между индивидуальным и коллективным интересом, который подкрепляется профессиональным (occupational) сообществом ему подобных и желанием не потерять их доброе отношение чрезмерной жадностью и злоупотреблением властью. Такая модель может быть глубоко сомнительной, по замечаниям многих критически настроенных исследователей, но символически она остается очень сильной и продолжает объяснять призыв к профессионализму как на системном уровне, так и на уровне отдельных видов деятельности.

На уровне индивидуальных акторов концепция нормализации граждан-субъектов была также центральным требованием в концепции Фуко,

⁵ Концепция нормализации Фуко не сводима к утилитарному «нормированию» и близка к упорядочению, но упорядочению особого рода - разграничивающему нормальное и не нормальное. В связи с этим в качестве русского эквивалента используется прямой и наиболее точный перевод - «нормализация». «Фуко доказывал, что современное общество это общество, базирующееся на понятии нормы, используемом в медицине в большей степени, нежели юридическом понятии нормы и закона. Отсюда следует, что преступники нуждаются в исправлении как исцелении от болезни, а не в наказании за нарушение закона» - "Michel-Foucault.com", Key concepts. - <http://www.foucault.qut.edu.au/concepts/index.html> .(Комментарий перев.).

коль скоро легитимная политическая власть зависит от повиновения субъектов. Это высвечивает путь, которым открытое принуждение приводит к нормализации - к такому состоянию, когда дисциплинирование личностей становится самодисциплиной, когда ключевые аспекты управления становятся скорее интернализированными и проактивными нежели внешними и реактивными. Используя толкование нормализации Фуко и объясняя ее как легитимацию через автономный «выбор» надлежащего действия Фурнье (1999) рассматривает обращение к профессионализму как дисциплинарный механизм в новых условиях занятости (in new occupational context). Фурнье показывает, как использование дискурса профессионализма применительно к управленческому труду в большой частной сервисной компании служит внедрению «надлежащей» трудовой идентичности, поведения и практик. Она рассматривает это в качестве «дисциплинарной логики, которая вписывает «автономную» профессиональную практику в сеть, делая ее подотчетной и дистанционно управляя профессиональным поведением» (Fournier, 1999: 280).

Применительно к индивидуальным акторам призыв к профессионализму (appeal to professionalism) может рассматриваться как влиятельная мотивационная сила контроля «на расстоянии» [организаций и бизнеса – ред.] (Миллер и Роуз, 1990; Бурчел и др. 1991). На уровне систем, таких как группа занятий, призыв к профессионализму может также рассматриваться как механизм содействия социальному изменению. В этом случае, однако, обращение к данному дискурсу – это обращение к мифу, символу или идеологии профессионализма, что включает такие аспекты, как исключительная собственность на сферу экспертизы, доверие клиентов и профессиональная компетенция, автономия и свобода действий в процессе трудовой деятельности, а также профессиональный (occupational) контроль над трудом. В действительности реальный профессионализм существенно отличается от этого образа. Обращение к профессионализму чаще всего включает замещение: организационных ценностей - профессиональными;

бюрократического, организационного и менеджериального контроля – коллегиальными отношениями и доверием к менеджменту. Оно также подразумевает бюджетные ограничения и рационализацию, цели деятельности, подотчетность и нередко усиленный политический контроль. Доверие предстоит заменить подотчетностью, но подотчетность, по-видимому, должна выражаться в стандартизации рабочих практик. Требуется, чтобы отношения «клиент – практик» были ограничены во времени и осуществлялись в форме рецептов, что подлежит регулированию и в действительности регулируется. Свобода действий имеет характер предписания – иногда это обусловлено заботой об издержках, включая бюджетные ограничения. Автономия ограничивается и регулируется. Профессионализм и доверие вновь становятся важными, но в основном в связи с серьезным снижением доверия.

Другой интересный аспект темы призыва к профессионализму состоит в том, как последствия и результаты обращения к нему, а также привлекательность этого дискурса по-разному проявляются в разных отраслях сферы услуг и занятиях основанных на знании⁶, имеющих к тому же разные условия занятости. При рассмотрении этого вопроса может быть доказано, что англо-американское избыточное внимание к медицине и юриспруденции в качестве архетипических профессиональных групп [сегодня] совершенно бесполезно. Одно из последствий состоит в том, что представители англо-американской социальной науки выработали искаженное представление о власти ограниченного числа профессиональных групп (occupational groups), которые оказывают влияние на государства и спрос, и используют регулирующие средства этих государств, чтобы контролировать рынки (через монопольную практику), используя свои знания и услуги. Для других групп занятий дискурс профессионализма также

⁶ Занятия, основанные на знании – буквальный перевод устойчивого словосочетания, широко используемого в англоязычной литературе – “knowledge-based occupations”. Д. Эветтс связывает развитие потребности в знаниях с развитием новых отраслей сферы услуг, поскольку в широком смысле «услуги» (service occupations) включают и традиционные отрасли, - такие как образование или здравоохранение, и новые виды занятий – услуги по консалтингу, дизайну, программированию и т.п. – Комментарий перев.

работает, но работает иначе. В целом фокус на могущественных ранее профессиональных группах отвлек внимание от анализа других видов деятельности которые оказались менее успешными в использовании этого дискурса в собственных интересах (таких как инженеры и учителя), что сместило акценты и препятствовало развитию дискуссии в направлении того, как и почему многие новые виды услуг и основанных на знании занятий, увлеклись обращением к дискурсу профессионализма.

В связи с этим необходимо добавить позднейший анализ Фридсона (Freidson, 2001), рассматривавшего профессионализм в качестве «третьей логики» контроля над трудом, а именно – как социальный порядок и контроль посредством занятия (*control via the occupation*), – в отличие от рынка и организаций, сформировавших первые две «логики» контроля. Здесь необходимо добавить, что *механизмы* контроля и порядка осуществляются, как и в большинстве случаев, через дискурсы, внедряемые и применяемые менеджерами организаций, так же как и самими практиками-профессионалами. Причем, эти механизмы действуют как на макро-, так и на микроуровне (а также мезо-) и имеют весьма многообещающий характер, будучи привлекательными, убедительными и неотразимыми.

Суммируя сказанное, рассмотренные наработки в социологии профессиональных групп привели к концептуальным сдвигам от ранних интерпретаций профессионализма к профессии как институту в 1970-е и 1980-е годы. За этим последовало изменение в анализе исторических и современных процессов профессионализации и критика профессий в 1970-1980-е годы. Последнее десятилетие отмечено возвратом к профессионализму, но уже с определенными усовершенствованиями. В более ранних версиях этих концептуальных преобразований доверие рассматривалось как видный аспект профессионализма, хотя было отделено от него критическим анализом процессов профессионализации, где доверие рассматривалось как идеологический компонент, обозначающий возможность некоторых профессиональных (*occupational*) групп действовать

в их собственных интересах. Сейчас профессионализм и доверие переживают возвратную тенденцию к соединению, что является результатом возобновления интереса к проблеме рисков и последствиям сокращения доверия между практиками / работниками и их клиентами в условиях современного разделения труда.

Последствия для социологии профессиональных групп: доверие и профессионализм

Каковы последствия для исследовательского поля социологии профессиональных групп имеет рассмотрение профессионализма как дискурса изменений в сфере занятости и в контроле над трудовой деятельностью, и что это дает исследователям, обращающимся к вопросам доверия и профессионализма? Возможно, наиболее важным результатом является более тесное увязывание исследований профессиональных групп с социологией труда, занятий и организаций. Подобие профессиональных услуг другим видам услуг и основанным на знании занятиям проявляется все более явно, тогда как попытки отстоять и укрепить отличительные свойства некоторых особых, родовых характеристик профессионального труда вызывают сомнения. Однако важно продолжать отмечать определенные различия, в частности, фиксировать, кто формирует дискурс, в чьих интересах этот дискурс используется в каждой группе занятий (практиков, клиентов, общества). В то же время, как первоначально заключил МакКлеланд (McClelland, 1990:170), будет сохраняться принципиальная власть и особый характер профессионального контроля (occupational control) в случае, когда профессионализм конструируется «изнутри» (т.е. самой профессиональной группой), нежели когда это происходит «извне» (т.е. менеджерами и работодателями организации).

Второе последствие для интеллектуальной сферы состоит в том, чтобы обратить внимание на важность вопросов доверия, компетенции и профессионализма. Означает ли расширенное использование дискурса

профессионализма в качестве инструмента профессионального контроля (occupational control) дальнейшее снижение доверия? Означает ли расширение влияния постановки целей и отчетности [в сфере интеллектуального труда], что компетенции более нельзя доверять? По мере расширения сферы услуг и интеллектуального труда не теряют ли профессиональные группы свою специфику и становятся более похожими на другие группы занятых в организациях?

[...]

Настоящая статья утверждает, что анализ профессионализма как дискурса об изменениях в профессиональной сфере и контроле, а также расширение использования этого дискурса в качестве средства управления в трудовых коллективах (work organizations) несомненно требует прояснения парадокса, с которого начинается статья [о том, что широкое обращение к этому дискурсу совпадает с видимым ослаблением значения некоторых инвариантных черт профессионализма, в частности – доверия]. Кроме того, появляются новые важные вопросы для исследования. Усиленное внимание к профессионализму в процессе труда обязательно нуждается в разьяснении для самих работников. Также важно исследовать, меняются ли, в каких направлениях, и для каких профессионалов-практиков взаимоотношения между доверием, свободой действий и компетентностью, и если меняются, то под чьим воздействием. Связанный с этим следующий вопрос состоит в рассмотрении, в какой степени отношения доверия между профессионалами-практиками и клиентами заменяются механизмами организационного регулирования, такими как иерархия, бюрократия, менеджериализм, подотчетность, целеполагание, а также рыночными формами отношений с потребителями. Ответ на вопрос, кто ставит цели – мог бы стать важным знаком и проверкой, фиксирующей факт формирования профессионализма «извне» в большей мере, чем «изнутри» профессиональной (occupational) группы. В дальнейшем можно было бы поставить следующие вопросы. Может ли доверие быть восстановлено посредством усиления подотчетности

профессионалов-практиков и институтов профессионализма, или сложная система подотчетности и самоконтроля повредит доверию? И, возможно, самый важный вопрос: насколько значимым является доверие в интеллектуальном труде работников и экспертов в современных демократиях, обладающих сложной системой разделения труда? [...]

Дальнейшее следствие для научных исследований – возрастающая потребность сравнительных исследований различных профессиональных (occupational) групп, вовлеченных в интеллектуальный труд и сферу услуг как внутри, так и между государствами. Фокус на сравнительных исследованиях может способствовать прояснению различных результатов исторического развития для разных стран - отношений с государством, разделения труда и межпрофессиональной специализации, конкуренции за сферу полномочий. Это также может позволить прояснить, какие социальные системы, институциональные механизмы и политики поддерживают сохранение доверия и профессионализма, а какие - способствуют подрыву этой связи. [...]

В качестве другого важного последствия обращения исследований к использованию дискурса профессионализма в трудовой сфере можно рассматривать анализ изменений в сфере интеллектуальных услуг, характеризующихся как поворотные условия (critical cases) «[для развития профессионализма]. Доминирующий англо-американский акцент исследований на профессионализации и «провалах» рынка выразился в рассмотрении медицины и юриспруденции как архетипических профессий, на фоне которых другие занятия интеллектуального труда долгое время рассматривались лишь как полупрофессиональные (semi-professions, Etzioni, 1969). [...] Однако в целом исследовательская парадигма предполагает анализ влияния определенных государств и государственных политик в качестве контекста, в котором действуют и стремятся укрепить отношения доверия интеллектуальные услуги. Интересно поразмышлять, как различные способы обращения к дискурсу профессионализма выражаются в различных

исследованиях разных видов занятий. Одна из возможностей могла бы состоять в рассмотрении того, как дискурс профессионализма применяется в группах занятий, уже приобретших международный характер - кто этот дискурс формирует и в какой степени придает значение доверию? Особый интерес здесь представляют такие группы занятий, как международное право, международная бухгалтерия и многонациональные вооруженные силы. Этими группами занятий до некоторой степени пренебрегают исследователи профессий и профессионализации, поскольку те не являются звеном государственной системы, включая отношения доверия. Анализ международных профессиональных групп потребует и в будущем отводить важное место в научном анализе исследованию профессионализма.

В целом фокус на дискурсе профессионализма предлагает ряд новых направлений и интересных тем для социологов, исследующих профессиональные группы. В то же время необходимо сознавать, что это также может вернуть внимание исследователей к некоторым вопросам классической социологии, касающимся социального порядка и социального контроля. В этом случае важной исследовательской проблемой становится то, как и посредством чего используется дискурс профессионализма? Каким образом отношения доверия, будучи инструментом изменений в профессиональной сфере и сфере контроля (включая неподверженность изменению) укрепляются или отменяются государствами, работодателями, менеджерами или самими влиятельными профессиональными группами?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Abbott, A. (1988) *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labour*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Annandale, E. (1998) *The Sociology of Health and Medicine*. Cambridge: Polity Press.

Bendix, R. (1966) *Max Weber*. London: University Paperbacks.

Burchell, G., Gordon, C. and Miller, P. (eds) (1991) *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf.

Carr-Saunders, A.M. and Wilson, P.A. (1933) *The Professions*. London: Oxford University Press.

Collins, R. (1979) *The Credential Society*. Orlando, FL: Academic Press.

Collins, R. (1981) 'Crises and Declines in Credential Systems', in *Sociology Since Midcentury: Essays in Theory Cumulation*. New York: Academic Press.

Cooper, D., Lowe, A., Puxty, A., Robson, K. and Willmott, H. (1988) 'Regulating the UK Accountancy Profession: Episodes in the Relation between the Profession and the State', paper presented at ESRC Conference on Corporatism at the Policy Studies Institute, London, January.

Crompton, R. (1990) 'Professions in the Current Context', *Work, Employment and Society* Special Issue: 147–66.

Davies, C. (1995) *Gender and the Professional Predicament in Nursing*. Buckingham: Open University Press.

Davies, C. (1996) 'The Sociology of Professions and the Profession of Gender', *Sociology* 30(4): 661–78.

Dingwall, R. (1996) 'Professions and Social Order in a Global Society', plenary presentation at ISA Working Group 02 Conference, Nottingham, 11–13 September.

Dingwall, R. and Lewis, P. (eds) (1983) *The Sociology of the Professions: Lawyers, Doctors and Others*. London: Macmillan.

Durkheim, E. (1957) *Professional Ethics and Civic Morals*. London: Routledge and Kegan Paul.

Etzioni, A. (1969) *The Semi-Professionals and their Organization: Teachers, Nurses and Social Workers*. New York: Free Press.

Foucault, M. (1973) *The Birth of the Clinic*. London: Tavistock.

Foucault, M. (1979) 'Governmentality', *Ideology and Consciousness* 6: 5–21.

Foucault, M. (1980) *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*. Brighton: Harvester Press.

Fournier, V. (1999) 'The Appeal to "Professionalism" as a Disciplinary Mechanism', *Social Review* 47(2): 280–307.

Fox, A. (1974) *Beyond Contract: Work, Power and Trust Relationships*. London: Faber and Faber.

Freidson, E. (1970) *Professional Dominance: The Social Structure of Medical Care*. New York: Atherton Press.

Freidson, E. (1982) 'Occupational Autonomy and Labor Market Shelters', in P. L. Steward and M. G. Cantor (eds) *Varieties of Work*, pp. 39–54. Beverly Hills, CA: Sage.

Freidson, E. (1994) *Professionalism Reborn: Theory, Prophecy and Policy*. Cambridge: Polity Press.

Freidson, E. (2001) *Professionalism: The Third Logic*. London: Polity Press.

Greenwood, E. (1957) 'The Attributes of a Profession', *Social Work* 2: 44–55.

Hanlon, G. (1999) *Lawyers, the State and the Market: Professionalism Revisited*. Basingstoke: Macmillan.

Hughes, E. C. (1958) *Men and their Work*. New York: Free Press.

Johnson, T. (1972) *Professions and Power*. London: Macmillan.

Johnson, T. (1992) 'The Internationalization of Expertise', paper given to conference on Sociology of Occupational Groups, Paris, 19–20 November.

Larkin, G. (1983) *Occupational Monopoly and Modern Medicine*. London: Tavistock.

Larson, M. S. (1977) *The Rise of Professionalism*. Berkeley, CA: University of California Press.

McClelland, C.E. (1990) 'Escape from Freedom? Reflections on German Professionalization 1870–1933', in *R. Torstendahl and M. Burrage* (eds) *The Formation of Professions: Knowledge, State and Strategy*, pp. 97–113. London: Sage.

MacDonald, K. M. (1995) *The Sociology of the Professions*. London: Sage.

Marshall, T.H. (1950) *Citizenship and Social Class and Other Essays*. Cambridge: Cambridge University Press.

Miller, P. and Rose, N. (1990) 'Governing Economic Life', *Economy and Society* 19(1): 1–31.

Parsons, T. (1951) *The Social System*. New York: Free Press.

Perkin, H. (1988) *The Rise of Professional Society*. London: Routledge.

Sciulli, D. (2005) 'Continental Sociology of Professions Today: Conceptual Contributions', *Current Sociology* 53(6): 915–42.

Tawney, R. H. (1921) *The Acquisitive Society*. New York: Harcourt Brace.

Wilensky, H.L. (1964) 'The Professionalization of Everyone?', *American Journal of Sociology* 70(2): 137–58.

Перевод А.А. Московской

Редакция – И.Поповой